

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 4-13. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.4
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Parochialism and Democratization of the Personnel Policy of the Moscow State

Vasily P. Pashin ^{a, *}, Svetlana N. Tokareva ^a

^a Kursk State University, Russian Federation

Abstract

The historiographic analysis of the literature on localism shows a number of unresolved and debatable issues. Problems investigated in the nineteenth century, smoothly moved into the XX–XXI centuries. This article considers the problem of localism from the point of view of the national policy on the selection and placement of personnel for the most important state and military posts. It is alleged that localism met the requirements of the study period of the Moscow state in the field of personnel policy, the formed type of public relations and state structure. On a documentary basis, the process of democratization in the selection of personnel through the involvement of persons from other classes – the nobility, merchants – in state institutions is shown. It proves a certain indifference of the Russian elite of the Moscow state to the highest central authority, the presence in the ruling elite of a significant layer of the national element, and not only from the population of lands annexed to the state. It was the foreign element that gave color to the struggle for power. The issue of the struggle of the boyar class for a place in the state apparatus, not only between clans, but also intra-clan disputes, is investigated. Sufficiently civilizational ways of resolving conflict situations in matters of localism are shown – judicial decisions, skillful state policy of the tsar when appointing to posts. Based on an analysis of the tsar's decrees and the verdicts of the boyar's Duma, the central government's policy is shown with respect to persons who dishonestly perform official positions or who do not patriotically serve the Fatherland. An opinion is expressed on the reasons for the conflict-free departure from the principle of parochialism in the personnel policy of the Moscow state at the end of the 18th century.

Keywords: Moscow state, parochialism, personnel policy, boyar estate, nobles, estate, orders, Zemsky Cathedral.

1. Введение

В истории России можно выделить три принципиально разных способа назначения руководителей в государственные структуры. Каждый из них имел свою предысторию формирования, но одновременно задавался общими целями создаваемого нового общества. Вначале определялась цель государственной политики, а уже под нее формировался и подбирался соответствующий состав руководителей.

Государство через кадровые назначения реализует свои интересы. Являясь проводником идей господствующего слоя в обществе, руководящие кадры в определенный момент утрачивают прямую связь с выдвинувшим его социальным слоем и начинают проводить политику в интересах других

* Corresponding author

E-mail addresses: pashinvp@mail.ru (V.P. Pashin)

слоев населения, в помощи которых они начинают нуждаться ввиду выполнения уже иных общегосударственных задач.

Уникальным явлением в истории мировой цивилизации явился институт местничества в Московском государстве как способ подбора и назначения кадров управленцев в военные, а затем и государственные структуры.

2. Материалы и методы

При исследовании вопросов местничества в качестве документальной основы изучались царские указы, приговоры Боярской думы, решения Земских соборов. Они имели общероссийский характер и, следовательно, определяли общегосударственные интересы, а не только обслуживали интересы господствующего слоя.

Однако они разрозненны, не представляют собой единого целого комплекса документов. В документальной картине местничества имеется много пробелов, которые исследователь самостоятельно домысливает и дописывает. Так субъективность в целом истории еще более усугубляется в вопросах подбора кадров в Московском государстве. Поэтому исследователи судят о документах местничества на основе других документов, которые дают на них ссылку. О местничестве мы рассуждаем по наиболее ярким примерам и одиозным явлениям (судебные разбирательства, споры воевод в армии перед началом боевых действий) и на их основе пытаемся воссоздать общую государственную политику и судить о ней в целом.

В исследовании заявленной проблемы авторы придерживаются кантовского критического отношения к наличному знанию, служащего методологическим основанием для преодоления догматических и метафизических воззрений на мир. При этом методы исследования служили не шаблонами для перекраивания фактологии, а «руководящей нитью» в исследовании явлений и процессов в их совокупности и взаимосвязи с общественно-политическими и экономическими явлениями в заявленных хронологических рамках.

3. Обсуждение

Несмотря на достаточно длительный срок историографического анализа проблемы местничества, ее видение достаточно мозаично. До сих пор отсутствуют устоявшиеся точки зрения на вопросы времени возникновения местничества, ее истоков. Так, С.М. Соловьев, один из создателей стройной системы перерастания родового наследования в государственное наследование, истоки местничества усматривает в периоде разложения первобытнообщинного строя и его перерастания в феодальное общество (Соловьев, 1989). Фактически его точку зрения обосновывал уже в советский период истории и В.Т. Пашуто, уводя местничество в домонгольский период (Пашуто, 1965: 55-57).

С.М. Соловьев и В.О. Ключевский заложили основы негативного отношения к исследуемому институту. Анализируя события Смутного времени, В.О. Ключевский пытается обосновать позицию о политической беспечности российского боярства, отсутствию у него вкуса власти (Ключевский, 1995).

Несмотря на господствующий авторитет В.О. Ключевского в исторической науке, Н.И. Костомаров не соглашается с ним в вопросах ценности местничества в истории российского государства. Если В.О. Ключевский доказывал, что местничество служило интересам аристократии, а не государства, то Н.И. Костомаров утверждал, что местничество служило интересам центральной власти, не давая возможности объединиться и сплотиться эгоистическим устремлениям боярства в борьбе против центральной власти (Костомаров, 1994).

Аналогичной версии придерживается и современный французский исследователь А. Берелович (Берелович, 2001), который оценивает местничество не с точки зрения коллективных действий, а индивидуальных протестов родовой знати по вопросам иерархии собственного статуса в государственном институте. Он отмечает, что в документах периода Московского государства местнический статус обозначался как «честь», а «бесчестье» – это когда должность не соответствовала статусу. И с этой позиции обосновывается версия о всеобщности института местничества, только в разных формах его проявления.

Данной проблемой в современное время занимается и Ю.М. Эскин, размышляющий над вопросом местничества: явление это чисто российское или характерное для любого феодального общества (Эскин, 2009).

Хотя еще в середине XIX в. А.И. Маркевич обосновывал версию об отсутствии института местничества в других странах, так как это явление, по его мнению, характерное только для российского государства. Он утверждал, что местничество служило самозащитой служилой знати (Маркевич, 1879).

С.П. Мордовина (Мордовина, 1971) и Р.Г. Скрынников (Скрынников, 2006) смотрят на местничество с позиций политической борьбы в государстве. Исследуя период правления Ивана Грозного, они обосновывают вывод о том, что в местничестве проявлялись не кадровые назначения в Московском государстве, а форма политической борьбы различных слоев общества.

Вызывает интерес постановка вопроса о местничестве как о явлении средневекового права в статье К.В. Петрова (Петров, 2006: 190-197), хотя вряд ли с ним можно согласиться, что местничество

было именно правом в истинном смысле этого слова. Так же, как и с тем, что правовой подход явился новым направлением в исследовании местничества. Еще в середине XIX в. на тему влияния права на местничество в истории Московского государства была написана уникальная книга Н.П. Загостина (Загостин, 1879).

Н.Н. Лихачев одним из первых глубоко исследовал процесс демократизации в подборе кадров в Московском государстве, провел анализ личного состава приказов XVI в., показав широкое внедрение в государственное центральное управление дворянского сословия (Лихачев, 1894, 1888).

С.О. Шмидт, анализируя раннее местничество, показывает борьбу центральной власти и центробежных тенденций в лице боярства в становлении единого централизованного государства (Шмидт, 1973; 1964: 168-172; 1996). Он обосновывает мысли о том, что в XVII в. местничество перестает быть привилегией только аристократической верхушки Московского государства (к борьбе за власть все чаще стали прибегать неродовитые лица), в местничестве он видит компромисс центральной власти с аристократией, компромисс рода и власти. Его точка зрения на местничество как на систему феодальной иерархии, которая регулировала феодальные отношения родов в военной и административной службе, стала господствующей в настоящее время. Местничество носило служебно-родовой характер. Он доказывает, используя широту кругозора и мышления, что с уничтожением местничества местнические предрассудки, местническая идеология и местническая психология сохранились не только в XVIII, но и в XIX вв.

Отдельные документы по местничеству, прежде всего родословной истории господствующего слоя Московского государства, выявил и проанализировал выдающийся современный исследователь В.Б. Кобрин (Кобрин, 1995; 2008).

Ю.М. Эскин (Эскин, 1993: 39-53; 2009) исследует социальную природу местничества. Он проделал уникальную работу по анализу документов описи разрядного архива XVII в., ведавшего учетом продвижения кадров по государственной службе. Анализируя родовые архивы, он вводит в научный оборот такое понятие, как «родовые корпорации».

Таким образом, мы видим, что вопросы, поднимаемые исследователями XIX в., фактически вновь обсуждаются в XX в. с привлечением новых материалов и подходов.

На местничество, по нашему мнению, необходимо смотреть глазами современника, не выдергивая этот принцип из эпохи Московского государства. В то время отсутствовала публичная светская школа. Грамотные люди в основном были в среде духовенства и господствующего сословия – боярства. Но и высшее господствующее сословие получало образование в домашних условиях. Профессиональные династии являлись обычным явлением: сын гончара становился гончаром, сын кузнеца – кузнецом, купца – купцом и т.д. С этой точки зрения не должен вызывать критики со стороны исследователей и тот факт, что сын думного дьяка становился дьяком, а сын окольного – окольным, сын воеводы – воеводой.

Данный принцип подбора кадров получил название местничества. Местничество – это порядок замещения государственных должностей в русском (Московском) государстве XV–XVII вв. в зависимости от знатности рода и важности государственной службы предков (Сизиков, 1997: 183).

При формировании государственных структур и занятии должности по принципу местничества кадры управленцев не зависели от субъективного фактора, предрасположения великого князя или царя. Единственно, как мог поступить царь в этом случае, – сравнить между собой враждующие боярские роды по вопросу старшинства и родовитости: чей род «породистее». Роль арбитра являлась одним из способов возвеличивания собственного авторитета.

С формированием нового сословия – дворянства – борьба за руководящие должности еще более обострилась. Царь в этой конкурентной борьбе занимал сторону дворянства, ибо оно было более преданно ему и к службе относилось ревностнее, чем бояре. Их социальное происхождение было из низших слоев общества – купцов, ремесленников и даже холопов (обслуживающих царский двор), но умных, способных, талантливых, которые «на ходу подметки рвали».

Регламентация их службы произошла при Иване Грозном. Служилое сословие он разделил на три категории. К первой категории относились «лучшие дети боярские», которые служили в Москве и наделялись подмосковными землями. Они назначались на высшие государственные должности, получая чины окольных, стольников, стряпчих. Дворяне второй категории назначались на низшие должности в государстве. Поместья они в основном получали на окраинах государства, где и несли службу. Они назывались «городовые». К третьей категории относились дворяне, выполнявшие рядовую службу. Различия между ними определялись и размерами наделяемой земли. Дворянам первой категории давали по 200 четвертей земли, второй – по 150, а третьей – по 100 четвертей.

Это были лица небогатого сословия. Даже московское дворянство, т.е. высший разряд дворянства, сообщало в челобитных, что у многих дворян земли нет вообще, у других имеется, но без крестьян, а у третьих в наличии всего 3–6 душ крепостных. В 1614 г. выходит указ о невзимании пошлин с дворян при получении ими поместных вотчинных грамот вследствие их бедности: «З дворян и з детей боярских с поместных и вотчинных грамот подписных пошлин имати не велел для их бедности и разоренья» (Законодательные акты..., 1986: 84). И в то же самое время при оформлении боярской земли взималась пошлина «по три денги с четверти» земли (Законодательные акты..., 1986: 145).

С количественным увеличением дворянства земли в государстве просто не хватало. Точнее, она была, но без крестьянского поселения. Дворян, не имевших поместных владений, зачисляли в армию простыми солдатами, без предоставления им каких-либо должностей, но с выплатой денежного содержания по 7 денег в день. Военнослужащим недворянского происхождения «давали поденный корм на день по 6 денег» ([Законодательные акты..., 1986: 182](#)). В указе 1639 г. предписывалось записывать беспоместных дворян на драгунскую и солдатскую службу.

Анализ выявленных законодательных актов однозначно показывает, что дворяне не всегда обеспечивались земельными наделами в центре государства. Указ не прописывался бы по нескольким случаям. С другой стороны, обеспеченные землей дворяне с целью ухода от государственной службы стали записываться в холопы. Эта тенденция проявлялась и ранее, причем в достаточно массовом масштабе. Судебник 1550 г. запретил находящимся на службе дворянам идти в холопы. А в 1642 г. это положение распространяется уже на все дворянство.

Создаются специальные централизованные органы для учета и контроля за службой: Поместный приказ ведал поместьями и отношениями служилых людей, а Разрядный – ведал их военно-служебной карьерой.

Требования выхода на службу значительно ужесточились: за неявку на службу (прежде всего воинскую) отбирали имения, били кнутом, сажали в тюрьму на несколько суток. Особое внимание обращалось на перепись дворянских детей, которых Разрядный приказ записывал по рождению в писцовые книги. Так крепостное право распространилось и на господствующее сословие.

В 1613, 1622, 1634 гг. выходят указы об «отобрании поместий у нетчиков», не явившихся на службу по царскому указу: «У тех взяти поместья и отдавати в роздачу тем, которые были на службе до отпуску; а давати беспоместным и малопоместным». При этом земли отбирали и отцовские, полученные ими за службу, если их дети не несли государственную службу: «У них поместья отцовские отнимать и в роздачу раздавать» ([Законодательные акты..., 1986: 82,110, 152, 162-163, 164](#)).

Военные события постоянно требовали новобранцев, для которых был привлекателен статус дворянина, даже безземельного. Подобных дворян столь много стало к середине XVII в., что выходит даже царский указ о запрете принимать на государственную службу лиц из других сословий – из духовенства, торговых, посадских и пашенных людей. Необходимо было обеспечить работой нарождавшийся новый слой – дворян ([Законодательные акты..., 1986: 192-193](#)).

Указы 1675, 1678 гг. предписывали заполнять руководящие должности в государстве только лицами дворянского или боярского происхождения. Так завершается свобода перехода из сословия в другое сословие по получению чина или государственной службы.

Исследователь истории дворянского сословия в России М. Яблочков подчеркивал, что в различные периоды государства высшее боярско-дворянское сословие постоянно пополнялось в больших объемах иностранцами – татарами, немцами, поляками, литовцами... Именно иноземные элементы боярского сословия стремились к высотам власти. В.О. Ключевский, ссылаясь на данные Бархатной книги периода правления царевны Софьи, приводит следующие цифры национального состава боярства. Русских фамилий было 33 %, польско-литовского происхождения – 24 %, немецкого и западно-европейского – 25 %, татарского и восточного – 17 % и 1 % неопределенной национальности ([Ключевский, кн. 1, 1995: 512](#)).

Этой же версии придерживался и другой выдающийся исследователь российской истории – С.М. Соловьев. Он утверждал, что «к концу XV в. двор великого князя московского пополняется пришельцами нового рода, князьями – потомками Рюрика и Гедимины, которые по своему происхождению становятся на первом плане, оттесняют старых бояр на второй план...» ([Соловьев, 1989: 229](#)). Многонациональный состав боярства придавал свой колорит борьбе за положение в Московском государстве. С.Ф. Платонов утверждает, что предок Б. Годунова был татарин Мурза-Чет, приехавший на службу к московскому князю в XIV в. ([Платонов, 1998: 267](#)).

Бояре и не помышляли, например, в период междоусобия претендовать на пустующий царский трон, они присягали польскому королевичу Владиславу, Лжедмитрию... Вот как описывает данную ситуацию Н.М. Карамзин: «Страшась народных мятежей, нежелая государственного уничтожения, они думали спасти Россию Владиславом, верили гетману, верили Сигизмунду – не верили только добродетели своего народа и заслужили его презрение, уступив добрую славу трем из мужей думных, князьям Андрею Голицыну, Воротынскому и Засекину, которые не таили своего единомыслия с Ергоменом, обличали предательство или заблуждение других бояр и были отданы под стражу в виде крамольников» ([Карамзин, т. IX–XII, 1997: 674](#)).

Становление единого централизованного государства требовало значительных кадровых пополнений уже не на основе кровно-родственных связей, личных знакомств, но и бюрократических начал. В этих условиях конкурентная борьба за власть неизбежно порождала столкновения при занятии той или иной должности. Судебные тяжбы по вопросам старшинства одного рода над другим становились обычным явлением. В период правления Федора Ивановича (1584–1598 гг.) состоялось около 200 случаев судебных заседаний, разбирающих вопросы местничества ([Яблочков, 2003: 191](#)), и это при учете того факта, что за неправильные жалобы бояр наказывали телесно, сажали в темницу, били батогами.

Здесь формируется даже особый порядок сутяжнических требований. Так, челобитчик, считающий себя выше противной стороны, «бил челом» вышестоящему родичу своего противника, так как считал унижительным для себя судиться с нижестоящим по вопросам местничества. Или, наоборот, посылал на суд вместо себя нижестоящего родственника, ибо считал унижительным бить челом самому в отношении младшего по местничеству.

Приведем классический пример этого: в 1652 г. Григорий Ромодановский бил челом государю насчет племянника своего Юрия Ромодановского, что «он ему в роду равенстве, что ему быть с ним невместно»; а тот в свою очередь также бил челом, что, хотя Григорий ему дядя, но «восьмой сын у отца, а я у отца первый, а дед мой ему деду больший брат» (Яблочков, 2003: 300). Причины внутриродовых раздоров кроются не собственно в механизме местничества. С увеличением численности рода ближайшие родственники стремились друг другу уделять большее внимание в продвижении по службе, оттесняя, не замечая дальних родственников. Так, родовые связи ослабевали что, естественно, приводило к столкновениям между родственниками по вопросу старшинства боковых ветвей рода. Эти противоречия со становлением новых поколений только возрастали.

Местничество начинает наносить вред в государственном управлении, особенно в военном деле. Уже ни одно из назначений на воеводство, ни одно распределение по придворной службе не обходилось без распрей и суда. В одном из документов читаем, например: «А которым воеводам в котором городе быть невместно и тем воеводам быть для государева дела без мест» (Яблочков, 2003: 174). В документе специально оговаривалось, что данное назначение в город не повлияет на последующий статус боярского рода, так как повышение–понижение при назначении на какую-либо должность в государстве конкретного отпрыска боярского рода автоматически вело к повышению–понижению всего боярского рода. Отпрыск лица, занимавшего высокую должность в государстве, никогда не пойдет служить под начало другого лица, «являвшегося моложе его по чину». Подобное согласие принижало в перспективе весь его род. Также и внутриродовые назначения понижали–повышали ближайших родственников по сравнению с дальними. Таким образом, местничество проявлялось не только между родами, но и внутри родов. Внутриродовые споры также носили ожесточенный характер, родственные отношения при государственной службе отходили на второй план.

При назначении того или иного боярина на должность в первую очередь изучали его генеалогическое древо, а уже затем его личные и профессиональные качества. Должность еще ничего не значила. Важно было, кто стоит рядом, выше по должности или ниже. Важны были не должностные местнические отношения, а генеалогические отношения, взаимные отношения лиц по должности. Должность конкретного боярина определялась всем его боярским родом. Служба становилась не его личным делом, а родовым. Его личное повышение–понижение влияло на статус всего рода. Боярина в XVII в. можно было уволить со службы, отобрать у него имущество, но невозможно было заставить его занять должность в государстве, не подобающую его роду. Любые кадровые решения, основанные не по принципу местничества, порождали в государстве дестабилизацию. Первое лицо в государстве оказалось заложником данной системы. Он мог сделать особо приближенного человека богатым, но не мог сделать его родовитым.

Для того чтобы прекратить систематические суды о местничестве, Алексей Михайлович принимает следующее решение: лица из одного боярского рода постоянно должны быть в одних и тех же чинах. Так на законодательной основе закреплялось право одного рода на постоянную должность в государстве. Перемещение по служебной лестнице вверх по вертикали было запрещено (Яблочков, 2003: 250).

Принцип закрепления должностей за боярскими родами привел к появлению как дублированных государственных структур, так и массы особых придворных чинов. К существовавшим прежним чинам добавлялись новые – дворецкий с путем, стряпчий с ключом, чашник... Исследователь дворянского рода Яблочков насчитывает 25 подобного рода должностей (Яблочков, 2003: 254-256). В XVII в. в Московском государстве в определенные временные отрезки насчитывалось до 80 приказов, хотя на постоянной основе их действовало приблизительно 40. Или отпрыску боярского рода давали чин «без места», т.е. без конкретной должности. Особенно много подобного рода лиц было в придворных кругах. Боярами заполняли ничего не значащие в государстве должности, а дворян назначали на ключевые должности.

Подобная политика порождала и организационную неразбериху, и значительные материальные затраты на содержание бояр-чиновников. Поэтому еще с середины XVI в. начинает проводиться целенаправленная политика по ограничению местничества при назначении на важные государственные должности. Постепенно выравнивается правовой статус вотчины и поместья; равенство в несении воинской службы боярства и дворянства (указ от 1556 г.), иные мероприятия по привлечению дворян к государственной службе повышали статус укрепляющегося нового сословия. Так, в середине XVI в. Иван Грозный создает так называемую «Избранную раду» (совет при царе) во главе с дворянином А.Ф. Адашевым. Формировалась она не по принципу местничества – в ее состав в основном входили преданные царю дворяне.

Места боярские начинают занимать лица дворянского происхождения. При Борисе Годунове они стали уже возглавлять приказы – Посольский, Разрядный, Поместный. Продолжалась эта

политика и в последующие годы. При Алексее Михайловиче Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащекин из провинциального дворянства пробивается в верхние слои государственного управления по внешнеполитическим делам, получает от царя чин боярина.

Особенно резко возросла роль кадров – управленцев из дворян – со становлением Земских соборов. Так, на Земском соборе 1556 г. из присутствовавших 374 человек бояр и окольных было 29, а дворян и детей боярских – 205, дьяков и приказных – 33 человека, гостей и торговых людей – 75, представителей духовенства – 32. Таким образом, подавляющее большинство Земского собора (около 55 %) составляли дворяне и дети боярские. На Земском соборе 1598 г. из присутствовавших 512 человек дворян и детей боярских было 267, а бояр и окольных – 52 (Ерошкин и др., 1965: 27). На Земском соборе 1613 г., избравшего Михаила Романова на царствование, из 700 присутствующих человек только 136 относились к высшим служилым чинам, в том числе только 17 – к боярам. Вообще о выборах нового царя на Земском соборе 1613 г. ходило очень много легенд, обобщая которые, С.Ф. Платонов делает вывод: почин в деле избрания Михаила принадлежит «не высшим, а мелким людям» (Платонов, 1998: 342).

Таким образом, постепенное «разжижение» состава высших государственных органов (Боярская дума, Земский собор) дворянством и дарование им за службу чина боярина и окольного позволяло царю игнорировать в кадровой работе принцип местничества. Пополнение высших государственных органов преданным дворянством постепенно делало и бояр более послушным и зависимым орудием в руках царя.

Большинство приказов по-прежнему возглавлялись боярами. Но для них это была скорее почетная должность. А всю работу в приказах не только выполняли, но и решали дьяки и подьячие, с социальным происхождением из мелкопоместных дворян и детей боярских. Доказательством вышесказанного может служить следующий факт. В 1714 г.: в Поместном приказе было решено 1154 дела, в том числе руководителем приказа (боярином) было решено 146 дел, а единолично дьяками – 664 дела (Ерошкин и др., 1965: 70). Н.П. Ерошкин утверждает, что так, видимо, обстояло дело и в других приказах и местных учреждениях.

В плане возвышения авторитета дворянства Смутное время сыграло свою положительную роль. Дворяне в смуте не потеряли, а приобрели не только в экономическом плане, но и в политическом. Если боярство потеряло много своих представителей физически и политически, то дворянство резко возвысилось, потеснив представителей знати в управленческих сферах.

Указ Поместного приказа 1623 г. «О сохранении вотчин за владельцами, уходившими к «вору», то есть к Лжедмитрию II, и добровольно вернувшимися в правительственный лагерь» (Памятники русского права, 1959: 436-438) фактически провел амнистию лиц боярского сословия, перешедших на сторону Лжедмитрия II, а затем вновь вернувшихся в войска Василия Шуйского. Но одновременно правительство объявляло незаконными земельные пожалования Лжедмитрия II, польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. Эти земли изымались из боярского владения и передавались в фонд государства.

Интересны указы от 1610 г. и 1628 г., которые определяли порядок перевода поместных земель в вотчинные за активное сопротивление иноземцам в период Смутного времени: «Давати бояром, и розных городов дворяном, и детям боярским за службу и за осадное сиденье поместья в вотчины», – и одновременно переводили вотчинные земли в поместные тех лиц, которые запятнали себя связями с польско-литовскими захватчиками (Законодательные акты..., 1986: 79, 138).

В последующие годы другие указы Поместного приказа требовали проводить расследования о вотчинах, данных за «осадное сиденье» в Москве при Василии Шуйском лицам, не значащимся в «осадном списке», или обманным путем полученные тушинцами за участие в освобождении русского государства от интервентов: «... а будет хто в осаде не сидел, а взял вотчину ложно, и у тех те вотчины отнимать и в роздачу роздавать...» (Памятники русского права, 1959: 446).

Тем самым государство, во-первых, наводило порядок в земельном хаосе вследствие многолетней смуты, а во-вторых, сохраняло дворянский служилый «люди» в материальной зависимости от центральной власти и службы. Принимается целая серия указов о возможности оставления дворянского поместья в «пожить», в вечное пользование, на «прожиток» вдовам, девицам и т.д. «У дворян и у детей боярских, которые побиты и в полон пойманы и которых без вести, поместий их не отнимать и в раздачу их не отдавать, а давать те их поместья женам и их детям» (Памятники русского права, 1959: 448).

Окончательный удар по местничеству был нанесен в 1682 г., когда оно было официально отменено решением Земского собора, в котором были процитированы гневные слова высшего церковного иерарха: «Да погибнет во огни оно, богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь да не воспомянется во веки» (Российское законодательство. Т. 4, 1986: 43).

Принятие данного решения ускорили события 1681 г., когда бояре предприняли попытку ослабить государственную централизацию и власть царя через разделение единого Московского государства на ряд областей – Сибирское царство, Казанское царство... – и их возглавить в качестве пожизненных князей, т.е. фактически узаконить феодальную раздробленность. Однако подобный

раздел государства не удался. Патриарх российский решительно выступил против этой идеи, оказав существенную поддержку позиции царя.

Попытка сохранить принцип местничества через составление так называемого устава о старшинстве, предполагавшем занятие всех важнейших должностей в государстве только боярами, также была решительно отброшена центральной царской властью.

4. Заключение

Вопрос об отмене местничества, его спокойном восприятии со стороны боярства требует специального изучения. Буквально несколько десятков лет назад бояре боролись за соблюдение этого принципа под страхом заключения в тюрьму, иных физических наказаний. Исторический экскурс показывает, что старинные боярские фамилии либо вымерли (Мстиславские, Шуйские, Бельские), либо разорились экономически (Хованские, Голицыны, Ростовские). Пришедшее им на смену новое поколение боярства не было столь родовитым. Например, Одоевские в XVI в. не были столь авторитетными и влиятельными, они возвысились благодаря новой государственной политике. Помимо этого, в древо боярской знати постоянно и настойчиво входили удачливые дворянские лица, могущество которых полностью зависело от воли первого лица в государстве (Ордин-Нащокин). По подсчетам С.Ф. Платонова в 1668 г. из 62 бояр и думных людей только 28 принадлежали к старым родам, предки которых в XVI в. были в думе (Платонов: 1998: 491). Новоиспеченная аристократическая знать вряд ли была заинтересована в сохранении принципа местничества: так как желала продвижения по службе по выслуге, а не «породе», тем более, что служба начинает подразделяться на военную и гражданскую.

Была выстроена в государстве вертикаль власти, которая заставляла индивида поступаться своим достоинством. Боярство (в целом правящий слой) стало гибким, приспособляющимся к любой ситуации, а «прогибаясь под власть», оно стало терять свое достоинство.

Между чинами думными (бояре, окольные, думные дьяки), чинами московскими (дворяне московские, стольники, стряпчие – служащие среднего звена в правительственном аппарате, прежде всего в приказной системе) и чинами городскими (дворяне служилые в городах Московского государства, дети боярские) постоянно шла борьба за должности в государстве как военные, так и гражданские. Результатом этой борьбы явилось постепенное упрощение системы чинов, ее демократизация. Старая боярская аристократия окончательно утрачивает свое господствующее положение в кадровых назначениях.

Так, в российском государстве его первое лицо сформировало под себя новую социальную опору, руководящую элиту в лице дворянства, полностью зависимую от него, а не соправительствующую. Дворяне как сословие не являлись богатым сословием. Но государство (царь) помогало им встроиться в систему Московского государства, обеспечивало условия для самореализации, создавая социальные лифты для лиц с большой социальной активностью. Последствием официальной отмены местничества стало в очень короткий срок превращение зависимой монархии в абсолютную.

После 1682 г. начинаются поиски новой системы подбора кадров в государственные структуры, которые прерывались по причине переворотов, войн и смут в государстве. В 1722 г. Табель о рангах Петра I определила новые принципы в работе с кадрами в общегосударственном масштабе.

Литература

Берелович, 2001 – Берелович А. Иерархия равных. Русская знать при Старом режиме (XVI–XVII вв.). Paris, 2001. 475 с.

Ерошкин и др., 1965 – Ерошкин Н.П., Куликов Ю.В., Чернов А.В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции (учебное пособие). М., 1965. 418 с.

Законодательные акты..., 1986 – Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986. 264 с.

Загостин, 1869 – Загостин Н.П. История права Московского государства. Казань, 1869. 315 с.

Зимин, 1969 – Зимин А.А. Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI вв. // Археографический вестник за 1968 г. М., 1969. С. 109–118.

История государства и права, 1997 – История государства и права: Словарь-справочник / Под ред. М.И. Сизикова. М., 1997. 304 с.

Карамзин, 1997 – Карамзин Н.М. История государства Российского. В 3 книгах. СПб., 1997. Кн. 1. 720 с.

Костомаров, 1994 – Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. Смоленск, 1994. 799 с.

Ключевский, 1995 – Ключевский В.О. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1995. Кн. 1. 572 с.; кн. 2. 584 с.

Кобрин, 1995 – Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVII вв. М., 1995. 240 с.

- Кобрин, 2008** – Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. 369 с.
- Лихачев, 2014** – Лихачев Н.Н. Библиотека и архив Московских государей в XVI в. М., 2014 г. 240 с. Репринт. Издание 1894 г.
- Лихачев, 1888** – Лихачев Н.Н. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. 759 с.
- Маркевич, 1879** – Маркевич А.И. О местничестве. Ч. 1. Русская историография в отношении к местничеству. Киев, 1879. 968 с.
- Мордовина, 1971** – Мордовина С.П. Земский собор 1598 г. Источники. Характер представителя. Автореф. канд. дисс. М., 1971. 22 с.
- Памятники русского права, 1959** – Памятники русского права. Выпуск 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1959. 668 с.
- Пашуто, 1965** – Пашуто В.Т. Общественно-политический строй Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 55-57.
- Платонов, 1998** – Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1998. 838 с.
- Петров, 2006** – Петров К.В. Местнические правоотношения в русском праве XVI–XVII вв. Содержание, правовая природа, основания и способы защиты // *Ленинградский юридический журнал*. 2006. № 1. С. 190-197.
- Российское законодательство, 1986** – Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. 512 с.
- Скрынников, 2006** – Скрынников Р.Г. Русская история IX–XVII вв. СПб., 2006. 582 с.
- Соловьев, 1989** – Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. 768 с.
- Шмидт, 1996** – Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. 335 с.
- Шмидт, 1973** – Шмидт С.О. Становление российского самодержавства (исследование социально-политической истории Ивана Грозного). М., 1973. 350 с.
- Шмидт, 1964** – Шмидт С.О. Местничество и абсолютизм // *Абсолютизм в России*. М., 1964. С. 168-172.
- Эскин, 2009** – Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России в XVI–XVII вв. М., 2009. 512 с.
- Эскин, 1993** – Эскин Ю.М. Местничество в социальной структуре феодального общества // *Отечественная история*. 1993. № 5. С. 39-53.
- Яблочков, 2003** – Яблочков М. История дворянского сословия в России. Смоленск, 2003. 576 с.

References

- Berelovich, 2001** – Berelovich A. (2001). Iyerarkhiya ravnykh. Russkaya znat' pri Starom rezhime (XVI–XVII vv.) [Hierarchy of equals. The Russian nobility under the Old regime (XVI – XVII centuries)] Paris. 475 p. [in Russian]
- Eskin, 1993** – Eskin Yu.M. (1993). Mestnichestvo v sotsial'noy strukture feodal'nogo obshchestva [Parochialism in the social structure of feudal society]. *Otechestvennaya istoriya*. No. 5. Pp. 39-53. [in Russian]
- Eskin, 2009** – Eskin Yu.M. (2009). Ocherki istorii mestnichestva v Rossii v XVI–XVII vv. [Essays on the history of localism in Russia in the 16th – 17th centuries]. М., 512 p. [in Russian]
- Istoriya gosudarstva i prava, 1997** – Istoriya gosudarstva i prava: Slovar'-spravochnik [History of State and Law: Dictionary-Reference]. Ed. M.I. Sizikova. М., 1997. 304 p. [in Russian]
- Karamzin, 1997** – Karamzin N.M. (1997). Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. V 3 knigakh [History of Russian Government. In 3 books]. SPb., 1997. Kn. 1. 720 p. [in Russian]
- Klyuchevskiy, 1995** – Klyuchevskiy V.O. (1995). Polnyy kurs lektsiy v trekh knigakh. [A full course of lectures in three books]. М., Kn. 1. 572 p.; kn. 2. 584 p. [in Russian]
- Kobrin, 1995** – Kobrin V.B. (1995). Materialy genealogii knyazhesko-boyarskoy aristokratii XV–XVII vv. [Genealogy materials of the princely-boyar aristocracy of the 15th – 17th centuries]. М. 240 p. [in Russian]
- Kobrin, 2008** – Kobrin V.B. (2008). Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy]. М. 369 p. [in Russian]
- Kostomarov, 1994** – Kostomarov N.I. (1994). Smutnoye vremya Moskovskogo gosudarstva. [The Time of Troubles of the Moscow State]. Smolensk. 799 p. [in Russian]
- Likhachev, 1888** – Likhachev N.N. (1888). Razryadnyye d'yaki XVI v. [Bit clerks of the XVI century]. St. Petersburg. 775 p. [in Russian]
- Likhachev, 2014** – Likhachev N.N. (2014). Biblioteka i arkhiv Moskovskikh gosudarey v XVI v. [Library and Archive of Moscow Sovereigns in the 16th Century]. М., 240 p. Reprint. Izdanie 1894 g. [in Russian]
- Markevich, 1879** – Markevich A.I. (1879). O mestnichestve. CH. 1. Russkaya istoriografiya v otnoshenii k mestnichestvu [About localism. Part 1. Russian historiography in relation to localism]. Kiev. 968 p. [in Russian]
- Mordovina, 1971** – Mordovina S.P. (1971). Zemskiy sobor 1598 g. Istochniki. Kharakter predstavitel'stva [Zemsky Cathedral 1598. Sources. The nature of the representation]. Avtoref. kand. diss. М. 22 p. [in Russian]

Памятники русского права, 1959 – Памятники русского права. Выпуск 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии [Monuments of Russian law. Issue 5. Monuments of law of the period of estate-representative monarchy]. Ed. L.V. Cherepnina. М., 1959. 668 p. [in Russian]

Pashuto, 1965 – *Pashuto V.T.* (1965). Obshchestvenno-politicheskiy stroy Drevnerusskogo gosudarstva [The socio-political system of the Old Russian state]. *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie*. М. P. 55-57. [in Russian]

Petrov, 2006 – *Petrov K.V.* (2006). Mestnicheskiye pravootnosheniya v russkom prave XVI–XVII vv. Soderzhaniye, pravovaya priroda, osnovaniya i sposoby zashchity [Local relations in Russian law of the XVI – XVII centuries. Content, legal nature, grounds and methods of protection]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*. No 1. Pp. 190-197. [in Russian]

Platonov, 1998 – *Platonov S.F.* (1998). Lektsii po russkoy istorii [Lectures on Russian history]. SPb. 838 p. [in Russian]

Rossiyskoye zakonodatel'stvo, 1986 – Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov. V devyati tomakh. T.4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma [Russian legislation of the 10th – 20th centuries. In nine volumes. T.4. Legislation of the period of the formation of absolutism]. М., 1986. 512 p. [in Russian]

Shmidt, 1964 – *Shmidt S.O.* (1964). Mestnichestvo i absolyutizm [Parochialism and absolutism]. *Absolutism in Russia*. М., pp. 168-172. [in Russian]

Shmidt, 1973 – *Shmidt S.O.* (1973). Stanovleniye rossiyskogo samoderzhavstva (issledovaniye sotsial'no-politicheskoy istorii Ivana Groznogo) [The formation of the Russian autocracy (a study of the socio-political history of Ivan the Terrible)]. М., 350 p. [in Russian]

Shmidt, 1996 – *Shmidt S.O.* (1996). U istokov rossiyskogo absolyutizma [At the origins of Russian absolutism]. М., 335 p. [in Russian]

Skrynnikov, 2006 – *Skrynnikov R.G.* (2006). Russkaya istoriya IX–XVII vv. [Russian history of the 9th – 17th centuries]. SPb. 582 p. [in Russian]

Solov'yev, 1989 – *Solov'yev S.M.* (1989). Chteniya i rasskazy po istorii Rossii [Readings and stories on the history of Russia]. М. 768 p. [in Russian]

Yablochkov, 2003 – *Yablochkov M.* (2003). Istoriya dvoryanskogo sosloviya v Rossii [History of the nobility in Russia]. Smolensk. 576 p. [in Russian]

Yeroshkin i dr., 1965 – *Yeroshkin N.P., Kulikov YU.V., Chernov A.V.* (1965). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossii do velikoy oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii (uchebnoye posobiye) [The history of state institutions of Russia before the great October socialist revolution (study guide)]. М., 418 p. [in Russian]

Zagostin, 1869 – *Zagostin N.P.* (1869). Istoriya prava Moskovskogo gosudarstva [History of the law of the Moscow state]. Kazan, 315 p. [in Russian]

Zakonodatel'nyye akty..., 1986 – *Zakonodatel'nyye akty russkogo gosudarstva vtoroy poloviny XVI – pervoy poloviny XVII veka*. [Legislative acts of the Russian state in the second half of the 16th - first half of the 17th century]. Teksty. Pod red. N.E. Nosova. L., 1986. 264 p. [in Russian]

Zimin, 1969 – *Zimin A.A.* (1969). Istochniki po istorii mestnichestva v XV-pervoy treti XVI v. [Sources on the history of localism in the XV-first third of the XVI century]. *Arkheograficheskii vestnik za 1968 g.* М. Pp. 109-118. [in Russian]

Местничество и демократизация кадровой политики Московского государства

Василий Петрович Пашин^{а,*}, Светлана Николаевна Токарева^а

^а Курский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Историографический анализ литературы по вопросам местничества показывает ряд нерешенных и дискуссионных вопросов. Проблемы, исследуемые в XIX в., плавно перешли в XX–XXI вв. Настоящая статья проблему местничества рассматривает с точки зрения общегосударственной политики по подбору и расстановке кадров на важнейшие государственные и военные должности. Утверждается, что местничество отвечало требованиям исследуемого периода Московского государства в области кадровой политики, сформировавшемуся типу общественных отношений и государственному устройству. На документальной основе показывается процесс демократизации в подборе кадров через вовлечение в государственные институты лиц из других сословий – дворянства, купечества. Доказывается определенное равнодушие русской элиты Московского государства к высшей центральной власти, наличие в правящей элите значительного слоя национального элемента, и не только из населения присоединенных к государству земель. Именно иноземный элемент придавал колорит в борьбе за власть. Исследуется вопрос борьбы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pashinvp@mail.ru (В.П. Пашин)

боярского сословия за место в государственном аппарате не только между родами, но и внутри родов. Показываются достаточно цивилизованные способы разрешения конфликтных ситуаций в вопросах местничества – судебные решения, умелая государственная политика царя при назначении на должности. На основе анализа царских указов и приговоров Боярской думы показывается политика центральной власти в отношении лиц, недобросовестно выполнявших служебные обязанности или не относившихся патриотически к Отечеству. Высказывается мнение о причинах бесконфликтного ухода от принципа местничества в кадровой политике Московского государства в конце XVII в.

Ключевые слова: Московское государство, местничество, кадровая политика, боярское сословие, дворяне, поместье, приказы, Земский собор.